

* * *

Больше всего люблю, когда в храм
Приходят мужчины крепкого возраста и вида,
Которых каждый день видишь в автобусе –
И не подумаешь грешным делом, что едут в церковь –
Они встают между служительницей храма
И старушкой, знающей каждую икону.
Сжимают тёмные шапки,
А сами светлеют на глазах.
Лица их обманчивы:
Такие можно увидеть и на стенде «Их разыскивает...»,
И в заметке «Ценой жизни спас человека».
Они – те, кто забирает из роддома,
Кто кладёт доску посереде лужи,
Кто тащит больше своего веса,
Иногда мечтая – всё бросить.
В них столько мощи, что как бы не занесло,
Узнай они о ней.
Но стоят здесь, обнажив головы
Перед силой, которая выше.
Потом снова надвинут шапки
И уйдут в ноябрьскую стынь
На свою извечную пахоту...

* * *

Я еще не проснулась, а иву уже пилили.
Приговор ей вынесли еще раньше,
Когда она казалась мне вечной.

Говорят, она наклонилась слишком низко
И могла кого-то убить при сильном ветре,
А значит, надо было напасть на неё первыми.

Она упала ничком, как от удара в спину,
Распластавшись по всему двору.
Иву калечили медленно, с оттяжкой,
С перерывами на перекур и перекус,
Отрезая по ровному кусочку от неподвижного ствола,
Подложив для удобства обрубку её собственного тела.

Поднимаю ветку как прядь волос
И уношу к себе медленно умирать,
Считая мужчину с пилой палачом.
Как будто сама не хороню поутру
Вчерашние листья смородины
И отдавшие сок плоды шиповника,
Разбухшие, как мои заплаканные веки.